

† Классическое наследие

Т.Х. МАРШАЛЛ

ПРИРОДА КЛАССОВОГО КОНФЛИКТА¹

Если тема этой конференции вообще что-то значит, то мы должны исходить из того, что слову «класс» дается истолкование, предполагающее, что все групповые конфликты не являются классовыми конфликтами. Мы говорим об особом виде группы, на природу которого указывает выражение «социальная стратификация». Эти группы лежат, так сказать, слоями одна над другой. Задача этой конференции — выяснить, существуют ли такие группы, и если да, то как они себя ведут. Моей особой задачей будут разграничение и классификация разных форм конфликта, возникающих между ними. Конфликты между двумя фирмами или двумя нациями не входят в эту классификацию, хотя они могут сыграть роль данных, помогающих нам понять — или, возможно, отбросить как иллюзию — конфликт между социальными стратами.

Мы мыслим «класс» как группу людей. Но мы можем мыслить «класс» и иначе: как силу или механизм, работа которого производит определенные социальные установки. Свое определение класса в этом втором смысле я хотел бы начать с утверждения, что это такая сила, которая объединяет отличных друг от друга людей в группы посредством преодоления различий между ними. Есть некий парадокс в том, что вместо различий между классами подчеркиваются различия внутри классов. Однако, на мой взгляд, полезно поступить именно так. Если перебрать по очереди критерии класса, которые мы прежде обсуждали — доход, собственность, образование и род занятий, — то выяснится, что каждый класс содержит внутри себя лиц, по-разному оснащенных в отношении каждого из этих критериев. Между тем институт класса учит членов общества замечать некоторые различия и игнорировать другие при расставлении лиц в порядке социального достоинства (*merit*).

¹ Из книги: *The Social Sciences: their Relations in Theory and in Teaching*. 3rd ser. 1938. Перевод выполнен по источнику: *Marshall T.H. The Nature of Class Conflict // Marshall T.H. Citizenship and Social Class and Other Essays*. Cambridge, 1950. P. 114–127.

Одним словом, социальные классы не могли бы существовать, если бы некоторые неравенства не рассматривались как несущественные для определения социального статуса. Отсюда вытекает, что есть два основных пути к бесклассовому обществу. Первый пролегает через уничтожение (насколько возможно) социальных различий между индивидами, и приблизительно таков путь коммунизма; второй пролегает через превращение всех различий в незначимые для социального статуса, и таков в общих чертах путь демократии.

Разумеется, в равной степени истинно, что классовая система замечает и даже подчеркивает некоторые формы неравенства и использует их как барьер для разделения классов. В отношении аспектов, отбираемых таким образом для обращения на них внимания, члены одного класса *являются* — или считают себя — идентичными. Но при этом важно помнить, что они всегда отличаются друг от друга в иных отношениях. Утверждения вроде того, что поскольку группам в пределах класса свойственны разные обстоятельства или интересы, то, следовательно, сам класс является «искусственной» группой, или что раз существует конфликт внутри класса, то, следовательно, конфликт между классами «нереален»², — утверждения напрасные.

Антагонизм, как излишне многословно доказал Делевски, относителен³. Стороны, являющиеся антагонистами в одном аспекте, могут быть коллегами в другом. А потому наша первая задача состоит в том, чтобы классифицировать основные формы антагонизма, с тем, чтобы увидеть, которые из них более всего совместимы с сотрудничеством в других областях. Этот анализ будет ограничен типами, наиболее важными в плане изучения классового конфликта.

Во-первых, существует конкуренция, когда двое или большее число лиц предлагают одну и ту же услугу или желают один и тот же объект. Это сразу же показывает нам, что мы не можем группировать вместе людей соответственно их сходству друг с другом. В случае конкуренции разделяет именно сходство; но стоит лишь конкурентам стать партнерами, как это самое сходство окажется объединяющей связью.

Во-вторых, существует конфликт, который возникает из разделения труда, конфликт, так сказать, вокруг условий, на которых должно осуществляться сотрудничество; примером служит спор по поводу заработной платы между работодателем и наемными работниками. Здесь разделение становится вторичным продуктом единства интереса, основанного на различии.

В-третьих, бывает конфликт по поводу самой системы, на которой базируются аллокация функций и распределение благ, например, когда торг по поводу размера заработной платы перерастает в бунт против капитализма.

² Такие слова верны только в относительном смысле. Все групповые установки должны базироваться не только на фактах, но и на социальном значении, которое им придается. Установка «нереальна» лишь в том случае, если значение слишком уж притянута за уши или если оно, как в некоторых типах пропаганды, базируется на умышленной неверной интерпретации.

³ *Delevsky J. Antagonismes sociaux et antagonismes prolétariens.*

Антагонизм между конкурентами, бесспорно, не является несовместимым с общностью интереса между ними. На самом деле, такая общность интереса уже предполагается самим термином «конкуренция». Ведь конкуренция — это социальный процесс, осуществляемый через посредство институтов, которые в одинаковой степени незаменимы для обоих конкурентов. Само существование предлагаемой услуги и ее меновая ценность обусловлены социальной системой и цивилизацией, которые являются общим достоянием. Способность этого общего интереса производить общее действие будет меняться в зависимости от обстоятельств, но этот интерес существует всегда.

Во втором типе антагонизма сотрудничество между антагонистами уже содержится в определении. Иногда предполагается, что сосуществование этих двух взаимоотношений иллюзорно; при этом исходят из того, что указанный антагонизм не реален, а подлинные интересы сторон тождественны. Но ведь это же абсурд. В принципе тот, кто в ходе торга упорно гнет свою линию, может причинить себе ущерб, уничтожив своего оппонента.

Тем не менее, торг, в сущности, — это спор, протекающий в границах, установленных потребностью в продолжение оказания той услуги, по поводу которой торг ведется. В допущении того, что покупатель и продавец являются одновременно друзьями и врагами, трудностей не больше, чем в утверждении, что боулер и игрок с битой имеют общую заинтересованность в оказании друг другу помощи в игре в крикет, хотя их взгляды на желательный исход каждого броска диаметрально противоположны. Важнее вопрос о том, насколько сотрудничество между, скажем, работодателем и наемными работниками является препятствием для солидарности труда по отношению к капиталу. То, что оно *является* препятствием, очевидно, но это не означает, что данный интерес реальнее другого.

Здесь мы опять имеем тот факт, что единство труда обеспечивается его общей позицией по отношению к институтам, через посредство которых осуществляется торг о сотрудничестве. И к этому я бы еще добавил, что в то время как кооперативная функция производства является в силу разделения труда частичной и специализированной, антагонизм, который внутренне присущ каждому торгу, выражает себя в условиях, общих для класса: в терминах заработной платы, рабочего времени, базовых условий способности к торгу и достижению договоренностей.

Таким образом: конкуренция в рядах труда (или капитала) не делает невозможным или неестественным осознанное единство труда (или капитала), а частичное сотрудничество между трудом и капиталом не делает невозможным или неестественным общий антагонизм между трудом и капиталом⁴.

Только в третьем типе конфликта общий интерес соперничающих сторон сокращается до ничтожной величины. В крайних случаях конфликт этого рода становится гражданской войной, которая не является социальным процессом

и в которой, как всем нам прекрасно известно, даже принятым правилам военных действий уделяется мало внимания. Я полагаю, что термин «конфликт» вполне можно было бы зарезервировать для случаев, в которых можно зафиксировать присутствие этого последнего типа антагонизма. Ни конкуренция, ни торг не являются конфликтом в этом рафинированном смысле, но когда каждая сторона чувствует, что процесс конкуренции или торга утрачивает свою уместность или вынужденно протекает в условиях несправедливости, тогда конфликт выходит наружу и может перерасти в революцию.

Конфликт, стало быть, предполагает не просто несогласие по поводу того, что делать дальше, а неудовлетворенность тем, что уже существует. Две стороны в парламенте не соглашаются в вопросах политики, но конфликт начинается тогда, когда какая-нибудь из них отвергает парламентское правление. Двое родителей могут не соглашаться друг с другом относительно воспитания своего ребенка, но конфликт начинается тогда, когда отец отрицает, что матери есть что сказать в этом вопросе, а мать отвечает: «И зачем вообще я вышла за тебя замуж?». И чувства такого рода могут подспудно струиться в потоке несогласия задолго до того, как разразится конфликт, чему можно найти немало примеров в истории тред-юнионизма⁵.

До сих пор речь шла не о социальных классах, а об экономических группах. Я не думаю, что они одно и то же. Я верю в реальность тех социальных уровней, различающихся своей культурой и жизненными стандартами, которые мы обсуждали на первых двух встречах. Но различия уровней не столь вероятно приводят к конфликту, как различия в групповых интересах. В той мере, в какой это так, я принимаю марксистский анализ природы классового конфликта (хотя не принимаю при этом теорию его исторической роли), однако я категорически не согласен, что содержание социальной стратификации этим исчерпывается.

Упростив ради краткости суть дела, я бы сказал, что классовый конфликт имеет место тогда, когда некоторый общий интерес объединяет смежные социальные уровни в противоположность более отдаленным социальным уровням. Когда уровни, объединяемые общим интересом, не прилегают друг к другу, например, в случае международной войны, конфликт не является классовым конфликтом. Слияние уровней облегчается, когда водоразделы между ними имеют неравную глубину, например, когда впадины между уровнями с первого по четвертый мелководнее, чем между четвертым и пятым уровнем. Есть и другая причина слияния. Классовый конфликт разворачивается вокруг социальных институтов. Часто эти же самые институты определяют разделение на уровни. В подобных случаях два типа расколов играют друг другу на руку.

Мне представляется, что именно так обстояло дело в феодальном обществе. Можно доказать, что сегодня дело складывается не совсем так. Наем-

⁴ Противоположный взгляд см.: *Von Mises L. Socialism* (Ч. III. § 1. Гл. 4).

⁵ Всеобщая стачка убедительно показала, что использование форм торга в целях конфликта приводит к помутнению разума.

ный рабочий, скопив кое-какие деньги, обнаруживает, что его социальный уровень принуждает его защищать права собственности, тогда как его интересы как наемного рабочего подталкивают его посягнуть на них. Исход зависит отчасти от характера конфликта интересов, и здесь анализ можно продвинуть на шаг вперед.

Тот ресентимент⁶ против неравенства, который характеризует классовый антагонизм, может порождаться тремя процессами, которые я буду называть сравнением, фрустрацией и угнетением. Сравнение поддерживает как чувство превосходства над «чернью» в богатых, так и ресентимент против «праздных богатеев» в бедных. Такие чувства могут разделяться любым количеством лиц, от одного-единственного индивида до целой нации, и, следовательно, являясь крайне неопределенными в своих группобразующих следствиях. Вместе с тем они являются главной силой, создающей социальные уровни, и создают они их не столько прямым разжиганием антагонизма, сколько обострением в индивиде осознания самого себя, а в группе — осознания собственного характера. Они составляют фундамент самооценки. Возможно, именно поэтому люди, похоже, предпочитают сосредотачиваться на сравнении себя с нижестоящими.

Говорят, в Индии нет касты настолько низкой, чтобы нельзя было указать на еще более низшую. Сравнение не создает контрастов, оно их разрушает. Оно ведет скорее к изоляции, чем к конфликту. Но если конфликт уже назревает, то установки, рождающиеся из сравнения, будут его стимулировать, а если он разгорелся — будут его усугублять, и они всегда тут как тут, готовые превратить в классовую борьбу любой спор, представляющий собой, в сущности, не более чем несогласие относительно условий сотрудничества⁷.

Фрустрация добавляет к сравнению более сильный мотив для конфликта, решительно возлагая на верхний класс ответственность за ту несправедливость, от которой страдают нижние. Она возникает, разумеется, везде, где привилегия создает неравенство возможностей. Но еще важнее, ввиду большей ясности, тот случай, когда два класса представляют, так сказать, две разные экономические системы или два несовместимых представления об общественной жизни. Пиренн предположил, что таков нормальный путь экономического прогресса. Творцы нового порядка появляются не в рядах уходящих защитников старого, а в стороне от них, рядом с ними⁸. В итоге возникает непрямой конфликт, в котором старый порядок предстает не столько

⁶ Английское слово *resentment*, как и его французский эквивалент *ressentiment* (который использовался Ф. Ницше, а впоследствии М. Шелером), обозначает сложное чувство, сочетающее в себе элементы возмущения, негодования, злобы, обиды, зависти и т.п.; его значение не исчерпывается ни одним из перечисленных элементов. — *Прим. перев.*

⁷ Здесь, конечно, необходимо иметь в виду оговорки, сделанные выше относительно влияния социальных уровней на классовое единство.

⁸ *Pirenne H. Les périodes de l'histoire sociale du capitalisme.*

тираном, сколько препятствием. Этот процесс яснее всего можно увидеть в истории буржуазии от начала упадка феодализма до окончательного становления капитализма в XIX в., особенно во Франции. В прежние времена, говорит Пиренн, буржуа «просто хотели места под солнцем, и их притязания не выходили за пределы самого необходимого»⁹. Впоследствии выяснилось, что уступки буржуазии требуют жертв со стороны аристократа.

Позже, говорит Анри Сэ, буржуазия «a intirkt au nouvel ordre de choses, a une organisation plus régulière, a la destruction des privilèges des deux premiers ordres, a la reconnaissance de l'égalité civile» [«стала проявлять интерес к новому порядку вещей, к более упорядоченной организации, к уничтожению привилегий двух первых сословий, к признанию гражданского равенства»]¹⁰. Привилегии были препятствием, поскольку были причиной административной неэффективности и финансовых злоупотреблений. Насколько запутанными были идеи об отношениях между социальными стратами во времена Фронды, явствует из того факта, что первым актом правительства, когда оно осознало опасность потрясений, стал призыв к буржуазной милиции не вмешиваться, в то время как революционная буржуазия сколачивала наемную армию *compagnons* [друзинников] для избавления своих приземистых Я от бремени муштровки и ношения оружия¹¹.

Можно утверждать, что сегодня ситуация схожая. Новый средний класс, образованный в основном из служащих и мелких профессий, не страдает под пятой тирана, но с дискомфортом для себя сознает, что осуществлению его великого идеала тихой и спокойной жизни, наполненной безопасностью и наслаждением всеми благами цивилизации, мешают непрекращающиеся стычки капитала с трудом, кажущиеся ему неотъемлемой частью социальной системы последнего столетия, и одержимость людских умов не угасающей ни на секунду страстью к спекуляции и торгу в нескончаемой погоне за прибылью. Выбирая между капитализмом и социализмом, он и рад бы отдать предпочтение чему-то одному, ведь и тот и другой должны так или иначе пользоваться его услугами.

Однако конфликт между ними достаточен, чтобы разжечь огонь революции с таким естественным, хотя и не вполне желанным результатом, как фашистская диктатура. Обычно противостояние фрустрации включает моральное осуждение старого порядка как коррумпированного, извращенного или прогнившего. В современном среднем классе заметна эта тенденция. Он осуждает материализм, недостаток чувства социального братства и, возможно, недооценку значимости людей искусства и интеллектуалов. Фашизм предлагает новое сознание и новый дух. «Фашистское государство... это сила, но сила ду-

⁹ *Pirenne H. Economic and social history of medieval Europe.* P. 51.

¹⁰ *Sée H. La vie économique au XVIIIe siècle.* P. 173.

¹¹ *Normand Ch. La bourgeoisie française au XVIIe siècle.* P. 349. Общую информацию см. в книге: *Aynard J. La bourgeoisie française* (главы 8 и 9).

ховная, которая воплощает в себе все формы нравственной и интеллектуальной жизни человека... Его принцип... одинаково легко проникает в сердце человека действия, мыслителя, художника и ученого — это душа души»¹². Это не совсем то, чего хотелось, но на какое-то время может сгодиться.

Термином «угнетение» описывается конфликт между двумя сторонами, вовлеченными в неравное сотрудничество, притом, что неравенство является продуктом институтов стратифицированного общества. Это слово не нацелено на определение мотивов или методов высшего класса, но только на определение ситуации, как она представляется низшему классу. Если сравнение разрушает контакты, а фрустрация производит контакт, сталкивая стороны, то угнетение предполагает контакт как органический процесс. Очевидными примерами служат отношения между слугой и хозяином или между трудом и капиталом. Когда вспыхивает конфликт, подвергается нападению группа лиц, обладающих властью. Их могут называть «правлящим классом». Это выражение используется как попало. Феодалная аристократия была в буквальном смысле правящим классом. Современные капиталисты таковыми не являются. И все же эти слова выражают истину.

Предполагается, что капиталист пользуется в экономической сфере властью, которая является отчасти политической, поскольку вытекает из законов и институтов общества. Если класс достаточно силен, чтобы сберечь или обезопасить те институты, которые благоприятствуют его деятельности, то в этой степени можно говорить, что он «правлящий». Но, как мы ранее видели, в современном мире интерес к важнейшим институтам не ограничивается одними капиталистами, которые встречаются с трудом как работодатели.

Возможно, именно по этой причине нападение оказывается направленное не столько против группы лиц, сколько против безличной системы. При этом отношения между сотрудничающими группами снова превращаются в торг. Конфликт переходит в теории. Можно было бы ожидать, что это приведет к падению влияния тред-юнионистов, которые ведут торг как лидеры рабочего класса, и росту влияния коммунистов, которые теоретизируют. Альтернативным последствием может быть повышение того, что можно было бы назвать «уровневым сознанием», в противовес «классовому сознанию». Судя по всему, именно это и происходит в Англии.

Оставшегося места хватит только на еще одно замечание. Мы можем спросить: где конфликт будет возникать вероятнее всего — в статичном или динамичном обществе? Здесь имеется в виду противопоставление сословия и класса, статуса и контракта. В обществе, стратифицированном на сословия, неравенство базируется на принятой схеме дифференциальных статусов и дифференциальных жизненных стандартов. Один класс используется для блага другого, но в пределах плана сотрудничества, одобренного обыча-

¹² Mussolini B. La dottrina del Fascismo. § 12.

ем. При этом несогласие относительно условий сотрудничества вряд ли может возникнуть, поскольку эти условия не ставятся под вопрос. Там, где господствует статус, торг, относящийся к контракту, существовать не может. Антагонизм не может найти выражения ни в чем, кроме конфликта¹³. Нет среднего пути между молчаливым согласием и восстанием. Кто-то мог бы поспорить, что это должно делать конфликт более вероятным, так как более умеренной альтернативы нет. Но в равной мере можно и утверждать, что серьезность подобного шага будет действовать как сдерживающая сила. В опасную ситуацию легче вползти, чем прыгнуть. Вдобавок к тому, сама природа общества, основанного на сословиях, такова, что благоприятствует развитию в каждой группе типа ментальности, приспособленного к ее положению. Бунт парализуется изнутри.

В свободном договорном обществе несогласие относительно условий сотрудничества является обычным и хроническим. Оно предполагается самим процессом торга, из которого возникает контракт. Мы замечаем также, что идея, будто каждое положение в жизни имеет соответствующий стандарт, что каждый класс имеет свою культуру, совершенно неубедительна. Молчаливое согласие решительно отвергается преобладающей верой в благотворность социальной амбиции. Демократия исповедует веру в равенство, а капитализм превозносит конкуренцию. Единообразный стандарт для всех убивает конкуренцию, тогда как различающиеся стандарты отрицают равенство.

Поэтому капиталистическая демократия не принимает поначалу никаких стандартов, принимая все, что дает ей свободная игра экономических сил. Английский паупер должен был питаться не в соответствии с потребностями человеческого тела, а соответственно тому, что можно было купить на деньги, чуть меньшие по сравнению с теми, которые капитализм соизволял платить вольнонаемному рабочему. Когда стандарт снова внедряется в жизнь, как это произошло в конце XIX в., он внедряется как минимум, выше которого дозволяются и ожидаются неограниченные вариации. В капиталистической демократии, стало быть, мы имеем постоянное состояние разногласия между классами, соединенное с разрушением психологических сил, способствующих молчаливому согласию. Здесь мы должны спросить: есть ли какая-нибудь позитивная сила, превращающая антагонизм в конфликт, которая бы отсутствовала в статичном обществе? Я вижу возможный ответ в идее эксплуатации.

В обоих типах общества обнаруживается использование одного класса другим для блага последнего. Но если в сословном обществе оно соответствует плану, то в договорном обществе оно продиктовано волей. Чтобы подчеркнуть разницу между этими процессами, можно сказать, что второй из них является эксплуатацией, а первый — нет. Блага, достаемые помещику и крепостному при феодализме, не могут сравниваться, поскольку различа-

¹³ См.: Bauer-Mengelberg K. Stand und Klasse // Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie. 1923.

ются по типу. Блага, достающиеся капиталу и труду, видимо, могут быть измерены их денежными доходами, а они явно неравны. Договор, в идеале, есть согласие сотрудничать ради равной выгоды. Когда он обычно производит неравную выгоду, рождается подозрение в эксплуатации. Эта идея легко овладевает умами эксплуатируемых, и они быстро заключают, что сила, действующая им во вред, таится не в личном превосходстве их угнетателя, а в тех несправедливых преимуществах, которые он получает от системы. Если система делает договор фальшивкой, эту систему нужно изменить.

Некоторые люди считают, что социальная мобильность обеспечивает предохранительный клапан и помогает отвести в сторону угрозу конфликта. Хотя до какой-то степени это верно, я думаю, что ее значимость легко может преувеличиваться. Когда индивидуальная мобильность происходит сама собой или близко к автоматичности, классовая лояльность развивается с трудом. Если каждый ученик имеет резонную надежду стать мастером, он будет формировать свои связи на базе своего дела или профессии, а не на базе своего социального уровня. Опять-таки, когда целая группа может вырасти в социальной оценке и экономической ценности, не оставляя позади отставших, объединение групп в классы становится затруднительным. Это, несомненно, является следствием недавнего возвышения многих квалифицированных родов занятий до ранга профессий.

Но там, где мобильность является индивидуальной и не происходит автоматически, а зависит от результатов конкурентной борьбы, на мой взгляд, сомнительно, чтобы имел место такой же результат. Когда победа в гонке достается быстрым, медленные, которые всегда в большинстве, устают от своего постоянного поражения и становятся более раздраженными, чем если бы гонки не было вообще. Они начинают рассматривать призы как то, на что они имеют право и чего их несправедливо лишили. Они заявляют, что ни одного человека нельзя заставлять участвовать в гонке за куском хлеба, и этот аргумент не лишен силы — особенно когда общество демонстрирует безразличие к положению проигравших на том основании, что дорога к лучшему всегда перед ними открыта¹⁴. Использование мобильности как аргумента, извиняющего неравенство, обычно связывается с некоторой долей самообмана. Но если бы я продолжил развивать эту тему, я попытался бы на предмет, который предстоит обсудить на следующем заседании этой конференции.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

¹⁴ См.: Cooley C.H. Social Organization (глава 27).

Николаев Владимир Геннадьевич — кандидат социологических наук, доцент социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

ДЖ. МАРЧ, Г. САЙМОН

ОРГАНИЗАЦИИ¹

Глава 6. Когнитивные пределы рациональности

В предыдущей главе мы рассматривали влияние мотиваций и целей на поведение человека в организациях. Содержание этих глав представляет собой важную поправку к «классической» теории организаций, которая рассматривает работника в качестве «инструмента». В данной и последующей главах мы сконцентрируем внимание на другом наборе качеств члена организации — его характеристиках как рационального человека. Когда в конце главы 7 мы завершим наше исследование этих характеристик и их последствий для теории организации, мы выполним поставленные перед собой задачи:

1. Последовательно убрать из классического описания работника как инструмента, то искусственное, что в нем было;

2. Заменить эту абстракцию новой, в которой признается, что у членов организации есть свои желания, мотивы и побуждения, и что они ограничены в своих знаниях и в возможностях обучаться и решать проблемы.

Прежде всего, мы отметим ряд характеристик человеческой рациональности, которые оказывают отрицательное влияние на процессы принятия решений в организациях. Затем мы увидим, как принятие решений в организациях организуется в «программы» или стратегии.

В третьем разделе мы повторно рассмотрим явление организационной идентификации в свете вводного анализа, чтобы увидеть, до какой степени идентификация является интеллектуальным, а не мотивационным процессом.

В четвертом разделе рассматриваются последствия процесса принятия решений для разделения труда; а в пятом разделе обсуждаются коммуникативные требования и процессы, которые возникают в связи с разделением труда. В заключительном разделе мы выскажем ряд более общих утверждений о структуре организации, выведенных на основе анализа процессов принятия решений.

6.1. Концепция рациональности

Какова рациональность «административного человека» в сравнении с рациональностью классического «экономического человека» или с рациональ-

Продолжение. Начало см. в предыдущих выпусках.

¹ Перевод выполнен по изданию: March, James G. Organizations, by James G. March, Herbert A. Simon with the collaboration of Harold Guetzkow. N.Y., 1958. P. 262.